

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ВОДОРАЗДЕЛ
БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ
УЖЕ НАСТУПИЛО

Андрей Фурсов

**Водораздел. Будущее, которое
уже которое наступило**

«Книжный мир»

2020

Фурсов А. И.

Водораздел. Будущее, которое уже наступило /
А. И. Фурсов — «Книжный мир», 2020

ISBN 978-5-6041495-2-2

Что случится быстрее в ближайшие десятилетия: демонтаж капитализма «сверху» или его крах? Удастся ли при этом избежать глобальной катастрофы? Сможем ли мы использовать марксизм как оружие в психоисторической войне против наших западных «партнеров»? Как России пройти «бутылочное горлышко» глобального кризиса, обрести мощь и сохранить самость в грядущем посткапиталистическом мире? Цель этой книги – попытаться представить развитие мира в целом, его основных макрорегионов и крупнейших стран в эпоху мирового кризиса капитализма и перехода человечества к новому социально-экономическому устройству.

ISBN 978-5-6041495-2-2

© Фурсов А. И., 2020
© Книжный мир, 2020

Содержание

Предисловие	5
Водораздел	9
На руинах привычного мира	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Фурсов

Водораздел. Будущее, которое уже которое наступило

Предисловие

В истории бывают периоды, которые трудно жёстко отнести к той или иной эпохе, они – сами по себе. Как правило, такие периоды – водораздельные, водоразделы – соединяют и одновременно разъединяют эпохи, системы, времена. Так, голландский историк Я. Ромейн назвал водоразделом время между 1875 и 1925 гг. В принципе, в зависимости от угла зрения, можно было бы и немного растянуть этот период (1871–1929), и немного сжать (1871–1914). Важно, однако, другое: вмещая в себя одновременно отчасти прошлое, отчасти будущее, водоразделы, тем не менее, представляют особые целостные отрезки истории. Таким водоразделом был, в частности, не только «ромейновский», но и отрезок между 1789–1815 гг., т. е. эпоха французской революции в «домашнем» (1789–1799) и «экспортном» (революционные и наполеоновские войны).

Возможны и другие «членения» исторического процесса. Так, вслед за Э. Хобсбаумом можно в качестве водораздела определить то, что он назвал «эпохой революций» – 1789–1848, всё зависит, повторю, от угла зрения, разумеется, не произвольного, а такого, который определяется, если мы говорим об эпохе капитализма, анализом логики и динамики развития капиталистической системы на основе принципов историзма и системности. И здесь получается следующее. К концу XIX в. капитализм как система исчерпал свою экономическую динамику как главный фактор системного развития. Прежде всего это выразилось в экономической депрессии 1873–1896 гг., которая подвела черту под свободнорыночным периодом (mid-victorianmarket period) в истории капитализма и резко ослабила гегемонию Великобритании, дав старт новой фазе соперничества за гегемонию в капсистеме. Столь разные мыслители как В.И. Ленин и К. Каутский – каждый по-своему – отметили этот факт. Их ошибкой, особенно Ленина, было то, что исчерпание экономической динамики в качестве главного фактора системного развития капитализма они отождествили, во-первых, с исчерпанием экономической динамики вообще; во-вторых, с исчерпанием системной динамики. Ленин в компилятивной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.) зафиксировал это в тезисе «империализм есть канун социалистической революции». Каутский был более осторожен, предположив, что империализм может оказаться и не последней стадией капитализма, за ним может прийти ультраимпериализм – так он назвал то, что пришло в виде государственно-монополистического капитализма, т. е. капитализма, в развитии которого государство как внеэкономическая структура вообще и государство в качестве вторичного собственника в частности играет намного большую роль, чем ранее – по крайней мере, чем в XIX в.

Ленин «оказался прав» в плане «социалистической революции», но я специально дважды использовал кавычки. Во-первых, для Ленина социалистическая революция – это мировая революция (в этом он не расходился с Марксом, Парвусом и Троцким) с главными событиями в империалистической метрополии, в ядре капсистемы, революцию в России как слабом звене системы он воспринимал лишь как начало цепной реакции, запал для революции во всей «цепи». Этого не произошло. Во-вторых, социалистический характер революции 1917 г. – вопрос дискуссионный; и не только потому, что сам Ленин однажды назвал Октябрьский переворот буржуазной революцией. По своим характеристикам – главные движущие силы, решаемые задачи и т. д. – революция была антикапиталистической, но это автоматически не означает

«социалистическая», тем более, что произошла она в крестьянской стране. Удельный вес пролетариата в ней был минимален и не вопросы отношения труда и капитала порождали главные противоречия российского социума. В-третьих, Ленин никак не ожидал в России не только социалистической революции, о чём говорил в июле 1917 г., но даже буржуазной – февральского образца, о чём говорил в январе 1917 г.! Так что «историческая правота» Ленина по поводу революции в России, о чём в советские времена взахлёб писали официальные историки КПСС и СССР – штука весьма сомнительная. Вернёмся, однако, к динамике капитализма.

По исчерпанию экономической динамики как главного фактора развития капсистемы на первый план вышла внеэкономическая динамика, тогда как экономическая отошла на второй план. Поскольку мир уже в конце XIX в. был поделён и последним всполохом колониальной экспансии стала «схватка за Африку» (*scramble for Africa*), дальнейшее развитие капсистемы, во-первых, могло иметь своей основой только внеэкономическую динамику в виде военно-политической борьбы; во-вторых, после передела Западом «слабого мира» (Азия, Африка), это могла быть военно-политическая борьба (война) только самих европейских (североатлантических) военно-промышленных гигантов между собой. Если со времён Семилетней войны (1756–1763) и до конца XIX в. внеэкономическая динамика, по крайней мере в ядре капсистемы (хотя и не только в нём), была функцией, следствием экономической, а войны – функцией и следствием промышленно-экономического развития, то с начала XX в. причины и следствия, а также субординация функций поменялись. Что и доказала Первая мировая война.

Дальнейшее развитие капсистемы в XX в. шло в следующем режиме: в ходе мировых войн частично или полностью разрушали, иногда стирая с лица земли гигантские, в масштабе крупных стран или даже макрорегионов, промышленноэкономические комплексы. Их послевоенное восстановление силами этих стран (в случае с континентальной Западной Европой и Японией – с помощью англосаксонских лидеров капсистемы) становилось мотором развития. После Первой мировой войны это было восстановление Германии (Центральной Европы) и СССР, после Второй мировой войны – опять же Германии и СССР, а также Италии и Японии; результат – четыре «экономических чуда» 1950-х – начала 1960-х годов. Это – не говоря о той решающей роли, которую мировые войны XX в., особенно Вторая, сыграли в экономическом рывке США и превращении их в гегемона мировой капсистемы. Впрочем, уже к середине 1960-х годов стало ясно: гегемония начинает давать сбои. К этому же времени «экономические чудеса» – за исключением японского – закончились. Впрочем, отдельно взятое «японское чудо» не решало проблем системы в целом, что и доказали 1970-е годы. Восходящая системная динамика капитализма на внеэкономической основе в виде (форме) внешних (геополитика, геоэкономика) войн исчерпала свои возможности. В этом (но только в этом) плане середина 1960-х годов подвела черту под целой эпохой, прологом которой стала франко-прусская война 1870–1871 гг., а эпилогом – демонтаж колониальной системы (не крах, а именно демонтаж, сознательно проведённый главным образом спецслужбами и финансовыми ведомствами метрополий под нажимом СССР, США и так называемых национально-освободительных движений).

И наступила совершенно другая эпоха. В ней примат внеэкономической динамики сохранился, но война приобрела не внешний характер, не характер передела между государствами, а внутри государств – между различными социальными группами, классами; короче говоря, между богатыми и бедными в пользу первых и в ущерб нижней половине общественной пирамиды, прежде всего – среднему слою и рабочему классу. И хотя реально передел стартовал на рубеже 1970-1980-х годов с тэтчеризмом и рейганомикой, а центральное место в нём заняло разрушение СССР и социалистического блока во второй половине 1980-х годов и разграбление экс-социалистической зоны и прежде всего РФ Западом и его местными поделщиками в 1990-е, подготовка к «восстанию элит», «верхов» как ответу на «восстание низов» в первой половине XX в. началось ещё в 1960-е: это чётко проявилось в событиях избыточно роман-

тизированной так называемой «студенческой революции» 1968–1969 гг. в США и Западной Европе, ну а в 1970-е уже шло полным ходом.

Социальная война верхов против низов, резко ускорившаяся после разрушения СССР, позволившего Западу отодвинуть на два десятилетия прогнозирувавшийся на начало 1990-х западными же аналитиками тяжелейший мировой кризис, приняла две взаимосвязанные формы – неолиберальная контрреволюция и глобализация. После 2008 г. стало ясно: неолиберальная модель в экономике своё отработала, а глобализация трещит по швам: эпоха, стартовавшая в 1970-е после подготовительного периода 1960-х, завершилась и резко отделяет, будучи водоразделом, закончившуюся в те же 1960-е и начавшуюся в 1870-е годы эпоху примата внеэкономической динамики как главного фактора системного развития капитализма от той эпохи, где эта динамика сохранила своё доминирование, но уже без капитализма. Вопросов лишь два. Первый: что произойдёт быстрее в ближайшие десятилетия: демонтаж капитализма его верхами, хозяевами или саморазрушение? Пока что оба эти процесса то плотно сливаясь, то несколько расходясь, но чаще всего усиливая друг друга, идут вровень. Второй вопрос: удастся ли при этом избежать глобальной катастрофы?

1960-е годы, таким образом, занимают уникальное место и в истории XX в., и в истории капиталистической системы. Во-первых, они – пик послевоенного развития мира, «славного тридцатилетия» (1945–1975). Во-вторых, как на всяком пике – это прекрасно показал Э. Гиббон в «Закате и падении Римской империи», есть и масса других примеров, в частности, тот же СССР 1960-1970-х годов – именно в это время (средний возраст!) появляются признаки грядущего упадка. В-третьих, 1960-е – пролог к водоразделу, с одной стороны, разделяющему две различные фазы господства внеэкономической динамики капитализма (эти фазы и составляют поздний капитализм); с другой – отделяющему всю предыдущую историю капитализма от его терминального кризиса, агонии и от послекапиталистического мира, разумеется, если тому суждено возникнуть из глобальных катаклизмов XXI в.

Анализируя любое время, а водораздельное в особенности, нужно понимать, что в нём как в здесь-настоящем уже содержится будущее, вопрос лишь – в каком «количестве» и «качестве». Мы часто не замечаем это присутствие будущего. Причин – немало. Это и наши приукрашенные представления о будущем, избавленные от негатива, не позволяющие узнать его и услышать его поступь здесь и сейчас, особенно если лик его неприятен или просто безобразен; и замысленный взгляд; и невнимательность, обусловленная «жизни мышью беготней»; и ориентация на выведение настоящего из прошлого по цепочкам причинно-следственных связей, в результате будущее просто не попадает в «просмотровую зону»; и тот факт, что будущее нередко является в образах прошлого (классический случай – фундаментализм, преодолевающий традицию, а потому революционно-футуристический). Порой кажется, ты вглядываешься в скелет динозавра, в усеянную зубами пасть, а оказывается, ты смотришь в будущее: «Парк Юрского периода-2» – вот он, только вместо динозавров – гомозавры, человекоящеры, у которых, в отличие от людей, работает только один мозг – рептильный.

Те, кто вырос в СССР в 1960-е годы, привыкли видеть будущее, похожим на рисунки на обложках и страницах журнала «Техника – молодёжи» того времени. Однако оно шагнуло в нашу жизнь не как технико-молодёжное «прекрасное далёко», а как невесёлые картинки, как ожившие карикатуры из журнала «Крокодил» в виде выбившихся в люди комсомольских фарцовщиков, связанных с теневиками обкомовских и райкомовских деятелей, просто авантюристов. Это – у нас. А в мире в целом будущее обернулось торможением научно-технического прогресса и наступлением футуроархаики – и ведь всё это можно было разглядеть в 1970-е – начале 1980-х годов, когда до торжества мутантов водораздельного межвременья было ещё далеко.

Иными словами, не спрашивай, когда наступит будущее: оно уже здесь, и оно – по твою душу. Будь готов принять его в лоб. Это, однако, требует знания истории, особенно Современ-

ности – водораздельной Современности, именно тогда состоялась Пересдача Карт Истории, крутая игра которыми разворачивается на наших глазах, и нам очень понадобится джокер.

Данный сборник статей посвящён водоразделу 1970-2010-х годов с включением в него 1960-х как подготовительной фазы. Цель сборника – попытаться представить развитие мира в целом, его основных макрорегионов и крупнейших стран в эпоху водораздела, который вывел историю капитализма на финишную прямую. Статьи сборника посвящены общим вопросам развития США, Западной Европы, в меньшей степени Китая, Индии и Африки в 1960-2010-е годы. При этом статья о Европе приурочена к столетию публикации книги Освальда Шпенглера «Закат Европы». Несколько особняком, но в тесной связи с главной темой стоят две статьи. Одна посвящена состоянию России в годы двух столетних юбилеев – Октябрьской революции и начала Гражданской войны; другая – размышления о Марксе, его идеологии и теории, приуроченная к двухсотлетию со дня его рождения.

Все статьи сборника в первой половине 2018 г. печатались в газете «Завтра» – фиксирую это в Предисловии, чтобы не писать под каждой статьёй дату первой публикации. Некоторые статьи дополнены новым материалом.

Л. И. Фурсов

Водораздел

*Трещит земля как пустой орех,
Как щепка трещит броня...*

(песня из фильма «Последний дюйм»)

1

Большинство людей так или иначе чувствуют: на наших глазах заканчивается эпоха, точнее – сразу несколько эпох. Жирная хроночерта прошла между 2008 и 2014 годами. 2008 г. – мировой кризис. 2014 г. – американо-бандеровский переворот в Киеве, давший старт мировому (гео)политическому кризису, резко, на долгую перспективу обострившему отношения РФ и США, «коллективного Запада». На долгую перспективу – поскольку переворот был актом агрессии определённых сил Запада против России, против русского мира, нарвавшимся пусть и на неполный, ограничившийся, к сожалению, только Крымом, ответ России. Для разговора о том, какие эпохи отчеркнула полоса «2008–2014», имеет смысл сначала взглянуть на историю капиталистической системы в целом.

Генезис капитализма приходится на третьи «тёмные века» европейской истории – 1350-1650-е годы. Первые – XII–IX вв. до н. э., когда рухнуло «старое» Средиземноморье и из хаоса посредством полисной революции «вынырнул» греческий мир; вторые – VI–IX вв. н. э., когда на руинах Римской империи и её «тени» – империи Карла Великого в ходе сеньориальной революции возник феодализм. Третье Темновековье, начавшись эпидемией чумы, «Чёрной смертью» (1348 г.), завершилось Вестфальским миром (1648 г.), оформившем государство (state, макиавеллиевское «lo stato») в качестве особого исторического субъекта наряду с капитализмом. Пройдёт несколько десятилетий, и в виде масонства как своей первой исторической формы сложится третий субъект – закрытые наднациональные структуры мирового согласования и управления, с ним капиталистическая система обретёт целостность.

Третьи «тёмные века» можно назвать Временем Босха. Хотя это время началось до рождения художника, а закончилось почти через полвека после его смерти, именно в его полотнах эпоха перехода от одной системы к другой получила наиболее чёткое отражение. Вообще, все Темновековья, как правило, приходящие за концом систем и эпох, – это в известном смысле «Времена Босха», времена социального ада, появления чудовищ как в человеческом облике, так и в виде новых, невиданных организаций и структур, проявления асоциальности и зоосоциальности. Поэтому ранние эпохи, фазы любых новых систем, будучи выходом из Темновековья, его преодолением, отличаются жестким социальным контролем.

Эпоха раннего капитализма охватывает период с середины XVII в. по 1780-е годы, отмеченные началом тройной революции – промышленной в Великобритании, социально-политической во Франции (положила начало масонским революциям, продолжавшимся до 1848 г. и окончившимся огосударствлением масонства и исчерпанием его **качественных** исторических возможностей, в результате чего в 1870-1880-е годы для нового этапа развития капсистемы понадобились закрытые структуры нового типа, и их обеспечили опять же британцы) и духовной, философской – в Германии. Ранняя стадия развития капсистемы уложилась в 130 лет.

Свою «прогрессивную зрелость» эта система пережила в 1790-1910-е годы, т. е. тоже примерно 130 лет, аккуратно между, с одной стороны, Французской революцией и её «экспорт-

ным вариантом» – Наполеоновскими войнами и, с другой – Первой мировой войной. Эта война подвела определённую, очень важную черту в истории европейской цивилизации, Запада, что и зафиксировал О. Шпенглер в своём труде «Закат Европы». Закат Европы в «лунку Истории» – не случайное явление, а следствие того, что на рубеже XIX–XX вв. капитализм исчерпал возможности своего поступательного **экономического** развития. Ленин, определивший империализм как высшую стадию капитализма, как канун социалистической революции, **в целом** был прав. Он ошибся в частности: во-первых, канун социалистической революции не во всём мире и даже не в ядре капсистемы, а на полупериферии, в слабом звене капсистемы – в имперской России; во-вторых, у самого империализма, как оказалось, есть не одна, а несколько стадийальных форм. К. Каутский, указавший на этот факт Ленину, был прав со своей схемой «ультраимпериализма». XX в. продемонстрировал несколько империалистических форм. Это и государственно-монополистический капитализм (ГМК), и транснациональные компании (ТНК), и, наконец, нынешний финансиализированный капитализм, оторванный от какого бы то ни было реального, «физического» экономического содержания, «капитализм-самоубийца». Все эти типы оформили такое состояние капитализма, когда экономический потенциал системы оказался исчерпан, когда она, экстенсивная по своему характеру, исчерпала планету, породив свой системный антипод – системный антикапитализм в виде СССР, когда развитие системы поддерживалось и направлялось в основном **внеэкономическими** факторами.

То, что произошло в XX в., демонстрирует развитие или даже прогресс капитализма за счёт главным образом внеэкономических факторов и на их основе. Это разрушение промышленно-экономических комплексов капиталистических стран – Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне; Германии, Италии и Японии – во Второй, а затем динамичное восстановление и использование его в качестве фундамента и средства экономического развития капитализма. Особую роль в капиталистической динамике сыграли также процессы промышленно-экономического восстановления СССР, т. е. системного антикапитализма в 1930-е и второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов («советское экономическое чудо»). Однако в начале 1960-х годов «чудо» в СССР подошло к концу, а послевоенное развитие капсистемы, прежде всего в США, стало испытывать серьёзные трудности. Можно сказать, что в 1960-е годы закончилась восходящая фаза позднего типа развития капитализма и началась нисходящая – кризисные явления 1970-х годов продемонстрировали это со всей очевидностью.

Работы 1970-х и особенно 1980-х годов как западных, так и советских экономистов, посвящённые капиталистической системе, при всех идеологических различиях, сходились в весьма неутешительных картинах и прогнозах развития капитализма, нередко оставляя ему всего несколько десятилетий жизни. У нас это были, в частности, работы С. Меньшикова, В. Крылова, П. Кузнецова, В. Жаркова, С. Медведкова и ряда других – сегодня в квазибуржуазной постсоветской РФ напрочь забытых и ненужных. На Западе о том же писали Г. Кан, Х. Озбекхан, позднее – группы под руководством Б. Боннера, Р. Коллинза (известный социолог, близкий к военно-политическим кругам, автор ряда фундаментальных исследований, в том числе переведённых на русский язык «Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения» и «Макроистория. Очерки социологии большой длительности»), М. Гелл-Манна (Нобелевский лауреат, сооснователь института сложности в Санта-Фе), Х. Тьеманна.

Надвигавшийся на капсистему девятый вал исторического процесса оставлял её хозяевам два выбора: первый – решать эту проблему в кооперации с СССР; второй – разрушить СССР, соцлагерь и, грабя и используя их ресурсы, продлить своё существование, отодвинув кризис. Второй вариант не решал проблему по сути, но он был проще. Тем не менее, какое-то время (вторая половина 1960-х – 1970-е годы), главным образом, во-первых, из-за трудностей, с которыми столкнулись США; во-вторых, из-за острой борьбы в мировой и американской верхушке сразу на нескольких уровнях и площадках, т. е. «по нужде», работал первый вариант.

2

Впрочем, когда мы говорим о двух подходах верхушек Запада в 1960-1970-е годы по отношению к СССР, нужно помнить, что первый носил тактический, вынужденный характер, стратегическим же был именно второй. Об этом свидетельствует как общая историческая логика отношения верхушек Запада по отношению не только к СССР, но и к исторической России, так и вполне конкретные факты из тех же 1960-х годов. Почти весь XIX в. британцы работали на максимальное ослабление России, а с конца XIX – на уничтожение России и Германии посредством германо-русского конфликта. В начале XX в. к этим планам присоединились США. В 1915 г. в рамках реализации плана «Марбург» (долларовый политико-экономический захват мира, т. е. прежде всего Евразии) крупнейшие американские банкиры и промышленники, двумя годами раньше организовавшие Федеральную резервную систему, создали Американскую международную корпорацию (American International Corporation), официальной целью которой было объявлено установление контроля над российским рынком. Такие вещи достигаются без, как минимум, частичного ограничения суверенитета? Впрочем, действия США в отношении России в 1917–1920 гг. показывают, что янки начали реализовывать не минимальный, а максимальный вариант. Об американских планах атомных бомбардировок, стирания с лица земли сотен советских городов, т. е. массового убийства советских людей я уже не говорю, как и о разнузданной антирусской пропаганде последних лет. И на таком фоне, с краткими моментами антигитлеровского союзничества и детанта 1970-х, полагать, что подход, который я обозначил как первый, был стратегическим курсом? Только очень наивные люди, к тому же хотящие быть обманутыми, способны в это поверить. Речь должна идти о тактическом, временном ходе, который при благоприятных для Запада условиях и неблагоприятных – для СССР, например, в случае резкого ухудшения экономической ситуации в Советском Союзе, немедленно менялся на противоположный – традиционный стратегический для англосаксов курс.

Показательно, что ещё в 1964 г. в Нью-Йорке вышла книга Б. Крозье (разведчик, аналитик, всю жизнь работавший на подрыв СССР) и Д. Столыпина (внучатый племянник премьера) «Экономические предпосылки коллапса коммунистической России» (Crazier B., Stolypin D. Economic preconditions of collapse of the Communist Russia. N.Y., 1964). Предисловие к книге, речь в которой шла об экономических предпосылках разрушения СССР и – имплицитно – о создании условий для этого, написал один из ветеранов и организаторов Холодной войны «тихий американец» Дж. Кеннан. Обратим внимание: книга вышла в 1964 г., впереди был детант – и тем не менее.

Есть ещё одна сторона дела. Само наличие «мирной» («детантной») и «воинственной» фракций в мировой капиталистической верхушке – при том, что у первых были свои кратко- и среднесрочные интересы в сближении с СССР, которые они и реализовывали и которые даже могли бы иметь лучшие результаты при лучшем качестве советской верхушки, – запутывало и дезориентировало советское руководство, порождая у него ошибочную картину, ложные иллюзии и ведя в конечном счёте к поражению.

В известном смысле в 1970-е – начале 1980-х годов мировая (прежде всего американская) верхушка разыграла с советским руководством психоисторический миттельшпиль, очень похожий на тот, который во второй половине 1930-х годов британская верхушка разыграла с Гитлером, загнав его затем с помощью СССР в катастрофический для него эндшпиль.

Как известно, в 1930-е годы в британской элите существовали три группы. Одна стремилась (якобы стремилась?) к союзу с Гитлером, исходя из политических симпатий. Вторая – «имперцы» – считала главной задачей спасение империи, ради чего следовало пожертвовать Европой, умиротворить Гитлера и натравить его на СССР. Третье – «националисты» – ставили

во главу угла не империю, а саму Великобританию, стремились к союзу с США (в этом плане они были не только «националистами», но и «глобалистами») и, естественно, резко выступали против Третьего рейха (условно их можно назвать ещё и «партией войны»).

У трёх групп были реальные расхождения, за которыми стояли реальные интересы, их противостояние не было полностью показным. Однако все вместе они составляли целостный кластер британской аристократии, в котором различные группы выполняли функции органов единого целого. В более широком контексте своими действиями они запутывали Гитлера, создавая у него впечатление возможности сотрудничества с Британией и её аристократией, по отношению к которой венский плебей явно испытывал комплекс. Кончилось дело тем, что британцы умело толкнули Гитлера на СССР, а потом вступили с СССР (и США) в антигитлеровскую коалицию.

Гитлер, как и за 27 лет до этого обманутый британцами Вильгельм, мог лишь сыпать проклятиями и, подобно Ихареву из гоголевских «Игроков», обманутому Швохневым, Кругелем и Утешительным (чем не аватарки для трёх групп британской элиты!), кричать: «Такая уж надувательская земля!», и – шмяк колоду карт «Аделаида Ивановна» об дверь, да так, чтобы «дамы» и «двойки» летели на пол.

Англосаксы всегда были неискренними даже с союзниками. Как отмечает генерал-майор, знаток их геополитических кунштюков С.Л. Печуров, даже действуя в союзе с тем или иным государством, англосаксы постоянно работают на максимальное ослабление этого союзника, пример – отношение британцев к России в 1917 г. и американцев и британцев в 1944–1945 гг. к СССР. В 1970-е годы СССР не был союзником англосаксов, он был их противником. В этом плане сторонники детанта и тех англо-американских корпораций, которые шли на контакт с СССР и получали от этого экономические и политические дивиденды, объективно в то же время выполняли очень важную роль камуфлирования стратегических планов – и чем более искренне и заинтересованно они это делали, тем убедительнее был камуфляж. Отсюда старый вывод: бойтесь данайцев, дары приносящих. Или более современный – максима А.Е. Едрихина-Вандама, согласно которой хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним. Что, впрочем, не исключает ни тактических союзов с ними, ни взаимодействия «по нужде»; нужно только присматривать за руками «партнёра». Но вернёмся в семидесятые.

3

В середине – второй половине 1970-х годов в среде вершущих Западу временно возобладал второй подход, сторонники первого сдали позиции. Во многом (хотя далеко не во всём) это стало следствием процессов в советском обществе, в его верхушке. Фактический отказ во второй половине 1960-х годов от рывка в будущее на основе научно-технического прогресса, угрожавшего позициям определённых сегментов номенклатуры как господствующей группы системного антикапитализма; борьба внутри советского руководства как на клановом, так и на ведомственно-кратическом уровне (упрощённо: сегменты КГБ и армия против сегментов КПСС); усиление прозападных («либеральных», «прорыночных») тенденций и групп в советском руководстве на фоне пробуксовки социалистических методов планирования и управления, с одной стороны, и появление в 1970-е годы слоя советских лавочников с исключительно рыночно-потребительской ориентацией (последняя – реакция на кризис официальных ценностей и официальной идеологии) – всё это привело к появлению в СССР групп и структур, заинтересованных в кардинальном изменении системы в (квази)капиталистическом направлении.

Произошло то, что ещё в 1930-е годы предсказывал Л. Троцкий и чего так опасался Сталин, фиксируя нарастание классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Группы и структуры, о которых идёт речь, объективно выступали союзниками (подельниками) предстателей именно второго подхода западной верхушки к СССР. Ну а ряд ошибок советского

руководства и случайностей, без которых, как писал Маркс, история имела бы мистический вид вкупе с низким до убожества уровнем позднесоветского руководства – достаточно вспомнить Горбачёва, Рыжкова, Шеварднадзе, Крючкова – сработали именно на эти силы, окончательно похоронив надежды сторонников первого подхода. «Негодяи и подонки (а в СССР ещё и идиоты; идиотизация властвующей элиты США началась сразу же после разрушения СССР) верхушек Запада и СССР, соединяйтесь!» – таким мог быть лозунг кластера, разваливавшего Систему и СССР в 1980-е годы и работавшего таким образом на продление жизни капитализма. В этом видна всё та же внеэкономическая моторика поздней фазы развития капсистемы.

Отодвинуть кризис благодаря разрушению и разграблению соцсистемы удалось лишь на два десятилетия. В 2008 г. он пришёл шагокомандорской поступью, показав, что динамика, обусловленная разграблением стран бывшего соцлагеря и усилением в связи с этим давления на лишившихся защитника слаборазвитые страны, исчерпана. Помимо прочего, именно в связи с этим понадобилось российское четырёхлетие 2008–2012 гг., которое своими проектами (нереализованными, к счастью, по разным причинам) должно было стать коррелятом обамовского срока, но – не сложилось, а потому не состоялось. В силу взаимоналожения нескольких обстоятельств, о которых здесь не место говорить, Россия даже в её разграбленно-раздолбанном состоянии оказалась, как и в 1920-е годы (но, повторю, по другим причинам), не по зубам Большой Системе «капитализм» – умирающей, но от того не менее, а может и более опасной.

4

Хронополоса 2008–2014 делит нисходящую фазу позднекапиталистического развития на эволюционную (при всех войнах и революциях) и революционную – в смысле: терминальную, летальную, которая и будет финалом капитализма. Если исходить из того, что предыдущие эпохи истории капиталистической системы длились по 130 лет (плюс-минус десятилетие), то логично предположить, что терминальная стадия продлится ещё 30 лет, т. е. до середины XXI в. и что «выход» из системы станет зеркальным отражением «входа». На «входе» в капитализм – первая мировая война, а именно – Тридцатилетняя (1618–1648 гг.), которая принципиально отличается и от мировых войн XX в., и от предшествовавших им мировых Семилетней и Наполеоновских войн. То был растянутый с перерывами на 30 лет и разнесённый по всему европейскому пространству конфликт. По сути в нём в военной форме родилось общество, главными субъектами которого были капитал и государство. Скорее всего, ближайшие 30 лет тоже будут военными, только война будет не мировой, в смысле XX в., а всемирной, и театр военных действий, конечно же, не будет ограничен Европой. Собственно, эта война эпохи конца света, но не вообще, а конца света капитализма уже идёт: Ближний Восток (Сирия, Ирак), Европа (Восточная, т. е. русская Украина), Нигерия. Думаю, скоро запыхает и в других местах: Центральная Азия, запад Китая. К тому же, конфликт мигрантов и западноевропейцев, который будет шириться, – разве это не война нового типа? Вход и выход в ту или иную систему, как правило, зеркальны, только вход – рубль, а выход – два. Или десять.

Таким образом, хронозона 2008–2014, подводя черту под нисходящей фазой позднекапиталистической эпохи и переводя и эпоху, и фазу в терминальное состояние, оказывается зеркальной периоду 1962–1968 гг. – рубежу между двумя фазами внутри самой позднекапиталистической эпохи. Между 1962 и 2014 (1968–2004) годами уместилась жизнь целого поколения как у нас, так и в мире в целом, включая Запад. Последнее пятидесятилетие – эпоха обманутых надежд, причём пиком взлёта этих надежд были именно 1960-е, время бешеного оптимизма, когда на Западе, казалось, реализуется капиталистическая мечта («американская мечта», «немецкое чудо» и т. п.), а в СССР вот-вот наступит если и не ефремовские Эра великого кольца или тем более Эра встретившихся рук (это виделось делом довольно далёкого

коммунистического будущего), то нечто похожее на «мир Полдня» А. и Б. Стругацких. Не наступило: советский «дополдневый» (т. е. утренний) коммунизм, так и оставшийся в Истории «утренником номенклатуры», разрушен, американская мечта украдена, плодами «немецкого чуда» в Германии пользуются те, кто в Третьем рейхе проходил бы в качестве унтерменшей и кто теперь сам смотрит на немцев как на унтерменшей, а на немок – как на готовое к сексуальному употреблению беззащитное белое мясо.

5

Что же произошло с миром за последние 50 лет? Как он сломался? Этот слом похож на таковой 1875–1925 гг., который голландский историк Я. Ромейн назвал «водоразделом». Наш «водораздел» закончился в 2008–2014 гг., и мир вступает в нечто необычное, но Карты Истории для диких игр или, если угодно, дикой охоты XXI в. были сданы в предшествующее этому пятидесятилетие. Карты сданы, фигуры или, если пользоваться терминологией игры Го, «камни» расставлены. Чтобы понять возможные варианты развития событий в финальное тридцатилетие капитализма и Запада как цивилизации (будем надеяться, что только их, но не земной цивилизации вообще, не *Homo sapiens* и не биосферы), имеет смысл посмотреть на то, кто, как и какие карты сдавал, какие «камни», где, когда и как расставлял.

Это необходимо сделать ещё и по следующей причине. Как заметил когда-то социолог Б. Мур, «если людям будущего суждено когда-либо разорвать цепи настоящего, они должны будут понять те силы, которые выковали эти цепи». Цепи, в которые определённые силы попытаются заковать человечество в XXI в. – цепи невидимые и в чём-то даже приятно-наркотические, – ковались давно, однако временем решающейковки стали именно последние 50–60 лет. Именно здесь спрятан секрет кощеевой смерти нынешних хозяев Мировой игры.

Наконец, нынешняя ситуация – ситуация, когда одна эпоха, одна система уходит, почти ушла, а другая ещё не наступила, когда мир (и мы вместе с ним) переживаем межвременье, межсистемье, всегда грозящее провалом не то в Колодец Времени, не то в его «чёрную дыру», – предоставляет уникальную возможность вскрыть секреты прошлого, вычислить секреты будущего и, сведя их в пучок, понять на изломе настоящее. Вот как писала об этом во «Второй книге» Н. Мандельштам: «В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что ещё нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая ещё не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого».

Мы не должны упустить этот момент, ещё именно и поэтому сегодня стоит внимательно взглянуть и на мир 1960-2010-х годов в целом, и на его основные региональные и культурно-исторические блоки:

- СССР/РФ, т. е. историческая Россия как бы она ни называлась и в сколь бы мизерном состоянии она ни находилась;
- Англосфера;
- Германосфера;
- Романосфера (включая Ватикан);
- Восточная Европа;
- Арабский мир;
- Средний Восток и Центральная Азия («Иран и Туран»);
- Южная и Юго-Восточная Азия;
- Восточная Азия;
- Африка к югу от Сахары;
- Латинская Америка.

Речь идёт не о дотошно узкоспециализированном взгляде на мир и его составные части, а о том, что А. Азимов назвал «взгляд с высоты». Азимов писал о пользе смотреть на сад науки как бы с воздушного шара. **Всё** многообразие при этом исчезает, но есть, писал известный учёный и фантаст, «другие, особые преимущества: когда я смотрю на сад с высоты, время от времени... удаётся увидеть некую общую закономерность, как вдруг в каком-нибудь уголке я замечаю причудливые арабески – едва заметный фрагмент композиции, который, возможно, не был бы виден на земле». Думаю, это лучший способ обрести картину того мира, которому суждено исчезнуть в ближайшие 30 лет. Но чтобы он исчез так, как это нужно нам, русским, и чтобы нам не исчезнуть вместе с ним, нам нужна **реальная** картина мира – основа того, что К. Поланьи называл «зловещим интеллектуальным превосходством».

Те, кого А.Е. Едрихин-Вандам назвал нашими «всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками» – британцы и американцы – похоже, времени не теряют. В частности, англо-американские спецслужбы и исторические факультеты некоторых сильных университетов Англосферы уже приступили к подготовке историков нового профиля, по сути – к созданию новых профессий на стыке истории (школу истфаков Оксфорда, Кембриджа и Дарэма, кстати, вообще прошла большая часть британской правящей элиты) и разведывательно-аналитической деятельности. Во-первых, это профессия историка-системщика, специалиста по историческим системам, а следовательно, их взлому и уничтожению или наоборот – защите; нынешний всплеск интереса к имперской проблематике весьма не случаен. Во-вторых, это профессия «историк-расследователь» (investigative historian). Если системщик это главным образом теоретик, то историк-расследователь работает на уровне эмпирических обобщений, анализируя совокупность косвенных свидетельств и активно прокачивая исторический процесс посредством анализа Больших Данных.

Ближайшие 30 лет, безусловно, станут чем-то вроде прыжка в темноту или, вспоминая знаменитую русскую сказку, в котёл с кипящей водой. И далеко не все выскочат оттуда добрыми молодцами под крики «Эко диво!.. / Мы и слыхом не слыхали, / Чтобы лъзя похорошеть!». Большой части «прыгунов» уготована скорее всего иная участь: «Бух в котёл – и там сварился...». Именно чтобы не свариться, чтобы знать температуру в котле, а ещё лучше – чтобы её регулировать, и нужно «зловещее интеллектуальное превосходство», в основе которого – реальная картина мира и собственной страны. Ну и не грех воспользоваться новейшими наработками забугорных «системщиков» и «расследователей» – такие возможности имеются. Как там у К. Леонтьева о чехах: оружие, которое славяне отбили у немцев и против них же направили. Правильный ход, тем более, когда речь идёт об обеспечении безопасности – государственной, психоисторической, цивилизационной.

6

Логично было бы начать с России, но мы уже много говорили на эту тему. Поэтому начнём с Англосферы, с её американской части, США. То есть с тех, кого у нас стыдливо называют «партнёрами», с тех, кто без стеснения называют нас «противником», «угрозой» и т. п. Ну что же, не будем разочаровывать «партнёров», им – в данном (но только в данном!) случае виднее. Как заметил д'Артаньян в разговоре с кардиналом Ришелье, последний столь могуществен, что одинаково почётно быть как его другом, так и врагом. Правда, нынешняя Америка уже далеко не так могущественна, как в 1950-1960-е и даже как в 1990-е годы, когда Россия была крайне слаба, но принцип сохраняется, к тому же и РФ – далеко не СССР.

Итак, мы начинаем с Америки. Причём для нас в данном контексте важно, что пишут сами американцы (а также западноевропейцы и т. д.) о себе, важен их эмпирический материал. Право на обобщения и интерпретации мы оставляем за собой.

Имеет смысл взять десяток-полтора толковых книг и сквозь их призму (или с их высоты) взглянуть на американское общество последнего полувека. Хочу особо выделить несколько книг, которые, будучи серьёзными научными исследованиями или серьёзной неангажированной публицистикой в то же время стали бестселлерами. Это «Идя порознь. Состояние белой Америки, 1960–2010 гг.» Ч. Мэрри (Murray Ch. Coming Apart. The State of White America, 1960–2010. N.Y., 2013); «Америка как Третий мир» А. Хаффингтона (Huffington A. Third World America. N.Y., 2011); «Америка тёмных веков. Последняя фаза империи» М. Бермана (Berman M. Dark Ages America: The Final Phase of Empire. N.Y., L., 2007); «Поколение социопатов. Как бэби-бумеры предали Америку» Б. Кэннон-Джибни (Саппоп-Gibney B. A Generation of Sociopaths. How the Baby Boomers Betrayed America. N.Y., Boston, 2017); «Взлёт и падение американского роста. Американские жизненные стандарты со времён Гражданской войны» Р. Дж. Гордона (Gordon R.J. The Rise and Fall of America Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War. Princeton, 2016); бестселлер «Кто украл американскую мечту?» Х. Смита (Smith H. Who Stole the American Dream? N.Y., 2012); «Печальная Америка. Подлинное лицо США» француза М. Флоке (Floquet M. Triste Amerique. Le vrai visage des Etats-Unis. P., 2016) – ясно, что Флоке обыгрывает название знаменитой книги социантрополога К. Леви-Стросса «Печальные тропики», посвящённой Индии и Бразилии.

Итак, нас ждёт Америка – та самая, о которой «Наутилус Помпилиус» когда-то пропел незабываемое «Гуд бай, Америка, о, где я не буду никогда». «Не буду никогда», потому что той Америки, которую рисовало себе советское воображение, вообще никогда не было, а реально существовавшая в 1980-1990-е годы Америка исчезла безвозвратно. Побывав в Америке в 2007 г. – после пятнадцатилетнего перерыва, я чётко ощутил и осознал, что попал в другую страну, чем та, куда приезжал в 1993 г. (и тем более, в 1990-м). Впрочем, и РФ 2007 г. – это совсем другой мир, чем РФ-1993. Тем интереснее взглянуть на метаморфозы и попытаться понять их причины. Черчилль не ошибался говоря, как важно и интересно всё, что происходит в мире. Особенно если этот мир ковыляет последние дюймы перед финишной чертой и на наших глазах трещит как пустой орех, а зловещие щелкунчики так и норовят разгрызть его до конца. Смотришь на них и вспоминается фраза Лёвы Задова в блестящем исполнении актёра В. Белокурова из трёхсерийного фильма «Хождение по мукам»: «Спрячь зубы – вирву!». Одна из задач обеспечения государственной психоисторической безопасности – это вовремя рвать зубы волчарам, упреждая их классический ответ на вопрос, почему у них такие большие зубы.

На руинах привычного мира

Люди любят жить в комфорте не только материально, но также эмоционально и интеллектуально – в мире привычных образов, понятий, схем. Особенно эта любовь усиливается в кризисные, переломные эпохи, выполняя функцию психологической защиты от неизбежности странного, а порой страшного мира. Впрочем, свою лепту вносят лень, наивность особого рода (та, что описал Н. Коржавин в знаменитом стихотворении), просто неспособность поспеть за изменениями. О классовых ограничениях понимания и даже адекватного восприятия реальности я уже и не говорю, причём это касается прежде всего и главным образом не низов, а верхов: есть проблемы, явления и процессы, которые классово определённое (и определенное) сознание не способно воспринять либо адекватно, либо вообще.

Эта неспособность правящего слоя в целом (но не отдельных лиц, которые в подобной ситуации оказываются чем-то вроде Кассандры) стремительно усиливается при вступлении системы в фазу упадка. Как заметил О. Маркеев, «способность системы к упреждающему отражению коррелируется с фазой развития. При дегенерации системы способность "слышать" катастрофически снижается». Здесь надо сделать три дополнения: 1) не только слышать, но видеть и понимать; 2) речь идёт о сознательной способности (или положительной неспособности) верхов, а не о каком-то отклонении; 3) что касается низов и даже средних слоёв, то они-то как раз демонстрируют упреждающее отражение катастрофы, но на бессознательном и массовоповеденческом уровне, прежде всего в виде различных форм девиантности. Это и мода на оккультизм, и рост преступности и – особенно – рост числа самоубийств, в частности, в молодёжной среде (здесь есть интригующие параллели между распространением «клубов» самоубийц в России в начале XX в. и сетевыми сообществами самоубийц в современной РФ).

В то же время верхи всегда стремятся навязать населению свою картину мира или вообще подменить продукцией зомбоящика. И выходит: слепые поводыри слепых, порочный круг обмана и самообмана замыкается. А ведь именно кризисные времена представляют небывалые возможности адекватного – как-оно-есть-на-самом-деле – понимания реальности, обнаружения тайн систем и секретов «кошечевой смерти» их хозяев. Замечательно сказала об этом Н. Манделштам: «В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что ещё нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая ещё не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого».

Жизнь в настоящем в соответствии с картиной реальности вчерашнего дня – не безобидная штука: вместо того, чтобы воевать с настоящим люди бьются со скелетами и драконами прошлого, пропуская удары и выстрелы из будущего. Бьются с хозяевами уходящей эпохи, их привилегиями и символами, не замечая, как на спину им под крики о свободе, равенстве и правах человека взбирается хозяева будущего, новые захребетники, которых им придётся таскать как Синдбаду-мореходу хитрого старика («Пятое путешествие»). Именно поэтому важно понимать, как работает мир и что скрывают старые этикетки. Например, нам говорят «Запад» и мы по привычке повторяем, а на самом деле его уже нет – там Постзапад. Нам говорят о христианской цивилизации Запада, а её практически уже нет – на её месте постхристианский социум. Нам говорят о светлом будущем мирового среднего слоя («класса»), о том, что в глобальном мире беднота будет всё больше пополнять его ряды, а на самом деле средний слой скукоживается даже на Постзападе. Более того, если он будет расти за постзападными пределами (Китай, Индия, Бразилия и т. д., и т. п.), это грозит планетарной сырьевой катастрофой, мировым голодом и глобальным «переселением народов» («нашествием неоварваров»), тем более, что сроки подходят: великие переселения случаются примерно раз в 800–900 лет.

Куда ни кинь взгляд: государство, политика, гражданское общество – всё это уже почти *nature morte* в прямом смысле этого слова, т. е. «мёртвая природа». В лучшем случае – нарисовано на холсте, чтобы фальшивый очаг представить настоящим, а самим холстом прикрыть потайную дверцу в будущее, куда хозяева мировой игры большую часть человечества, включая прежде всего нас, русских, пускать не собираются. Потому что им дозарезу нужны наши ресурсы, наша территория, максимально очищенная от населения, потому что исторически мы доказали: русские – единственные в мире, кто может успешно сопротивляться Западу, бить его и создавать альтернативные формы европейской же (но не западной и не капиталистической) современной (Modern) цивилизации. Нашим реальным Модерном был системный антикапитализм, воплощённый в СССР. Именно по этим причинам вот уже четверть века рушатся у нас промышленность, наука, образование, здравоохранение – под сдержанно-оптимистические рапорты о неких достижениях. Это напоминает ситуацию из «Улитки на склоне» Стругацких: целые деревни проваливаются под землю, а СМИ подают это как очередное «свершение» и «одержание».

Ещё пример: глобализацию нам представляют как якобы объективный процесс, которому якобы нет альтернативы, путая (отчасти сознательно, отчасти по тупости) глобализацию с интеграцией и интернационализацией. Точнее, альтернатива **типа есть**, но внутри самой глобализации – более медленная и равноправная, а творцами её, предполагается, станут страны БРИКС. И хотя восторгов по поводу глобализации поубавилось, на её небезобидные «аватары» типа «устойчивого развития» до сих пор ловятся иные простаки.

Кроме сознательных и «полусознательных» искажений реальности есть и такие, которые связаны с тем, что наше внимание чаще всего приковано к определённому пространству (в ущерб другим) и ограничено определённым временем – краткосрочным, сегодняшним днём. Это понятно и в ряде отношений естественно, однако последствия такой избирательности нередко бывают катастрофичными, особенно в средне- и долгосрочной перспективе. Я имею в виду следующее. Мы, не отрываясь, следим за тем, что происходит в мире, в большой политике; концентрируясь на Западе, прежде всего – на США: президентские выборы, что сказал Трамп, что мутит Хиллари и т. п. Разумеется, кризисы и войны: Сирия, Каталония, Венесуэла и многое другое. Однако при всей важности этих событий это то, что на поверхности, это – краткосрочнособытийное. Есть менее заметные процессы, последствия которых разворачиваются долго, но, развернувшись, нередко создают такие ситуации, порождают такие кризисы, которые меняют, а то и просто ломают ход истории. Сегодня процессы эти разворачиваются на периферии Запада, ядра капсистемы, т. е. «развитого мира», в мире трущоб и замечают их, как правило, только тогда, когда они становятся в полный рост, стоят у порога в виде многомиллионной армии варваров. И когда настаёт день Д и час Ч, когда звонят Колокола Истории, выясняется: то, чем люди жили и интересовались, то, что казалось им Большой Политикой, за чем следили как за главным, за судьбоносным, это не более чем мелкое шоу Большой Игры, главный приз которой разыгрывается где-то далеко, мелкое – на фоне тектонических сдвигов, которые в «жизни мышья беготне» (А.С. Пушкин) мало интересовались. Ну конечно, интереснее с кем спит Мадонна, каково реальное состояние Уоррена Баффета и влияли ли русские хакеры на американские выборы. Это кажется настоящее-будущим. Не-а. Будущее – это албанцы в Риме, арабы в Париже и мексиканцы в Лос-Анджелесе. Будущее – это «мюнхенский султанат», «марсельский вилайет». Будущее – это «мечеть Парижской богородицы». Уточню: возможное будущее – если в Европе не произойдёт, как сказал бы М.О. Меньшиков, «какой-нибудь смены энергий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.